

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ

Карпович О.Г.

КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины возникновения, развития и разрешения современных конфликтов. Изучаются исторические основы основных существующих теорий по разрешению конфликтов, производится их сравнительный анализ. Конфликты являются неотъемлемым компонентом отношений между людьми. Они имеют место в отношениях и индивидов, и семей, и общественных групп, и государств, и межгосударственных объединений. Этот факт могут оспаривать только абсолютные идеалисты, да и они говорят о бесконфликтных отношениях лишь как об идеале, который когда-нибудь может быть достигнут. В реальности же конфликты между людьми всегда были, есть и будут, и можно говорить лишь о желательности введения их в «цивилизованные рамки», причем в данное понятие на разных этапах развития цивилизации вкладывалось и вкладывается разное содержание. Виднейший британский государственный деятель У. С. Черчилль в своих мемуарах писал, полагая, что Первая мировая война продлится долго, что в тот период времени считал необходимым в 1919 г. при помощи нескольких тысяч самолетов разрушить до основания все города Германии, а население этих городов удушить «невероятно смертоносными отравляющими газами». Можно было бы привести еще немало примеров того, как представители «цивилизованных наций» рассуждали о допустимости методов войны, которые уже давно признаны варварскими в соответствующих решениях Лиги наций и ООН.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, цивилизация, конфликт, государство, миропорядок, интересы, ценности, безопасность, сотрудничество.

В прочем, имеет место и точка зрения, что при оценке действий государственных деятелей прошлого — например, Чингиз-хана или Ивана Грозному — не следует применять критерии современной морали. Разумеется, французский император Наполеон считал дикостью обычай некоторых жителей Африки и Южной Америки поедать военнопленных, но он же счел вполне допустимым предать смерти четыре тысячи турецких солдат, захваченных в плен в 1799 г. при штурме сирийской Яффы, где потери французской армии составили лишь 80 человек убитых. ««Каждый день,— писал французский полководец,— я приказываю отрубить пять-шесть голов на улицах Каира... Нужно взять тон, который необходим, чтобы этот народ повиновался»¹ До Женевской конвенции об обращении с военнопленными оставалось еще 130 лет, хотя и после ее принятия изменения в сторону гуманизации войны происходили чрезвычайно медленными темпами и многократно сопровождалась рецидивами варварства вплоть по сей день.

¹ Никонов А. Наполеон. Попытка # 2 // <http://napoleon.ru/popytka-2?start=16>

Права и свободы человека в ходе вооруженных конфликтов нарушаются по всему их спектру. Невозможно назвать ни одно их прав, перечисленных в принятой ООН в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека и в последующих Пактах ООН о политических и гражданских, а также социально-культурных и экономических правах, которое бы в той или иной мере не приносилось бы в жертву «целесообразности», что, по сути дела, является лишь перелицовкой старого принципа иезуитов «Цель оправдывает средства». Очевидно, единственное «средство», которое после 1945 г. никем не применялось — это ядерное оружие, поскольку оно полностью обесценило бы и саму цель всякого вооруженного конфликта — победу над противником.

Причины, лежащие в основе вооруженных конфликтов, могут быть самыми разнообразными. Но по сути своей они сводятся к стремлению завладеть чужими ресурсами, и при этом категории этих ресурсов неуклонно расширяются. Первоначально таким ресурсом были исключительно охотничьи угодья, из-за которых воевали различные племена. Появилось скотоводство — разгорелись конфликты из-за пастбищ. Возникло земледелие — начались вооруженные столк-

новения из-за пахотных земель и источников воды. Возросла производительность труда и, как следствие, захваченный в плен враг, которого раньше убивали, принося в жертву богам или съедая, оказался способен создавать прибавочную стоимость — начались военные экспедиции специально с целью захвата рабов. Развернулась промышленная революция — и разгорелась борьба за природные ресурсы, сырье и энергоносители, которая в настоящее время приобрела глобальный характер, нередко переходя в военную стадию. Для промышленно развитой страны лучшая добыча в результате победоносного конфликта — участок территории, не обязательно большой, желателен безлюдный, но максимально насыщенный полезными ископаемыми.

При этом конфликты из-за вышеперечисленных ресурсов никуда не девались. До сих пор в регионах с засушливым климатом, например в Африке, то и дело вспыхивают конфликты из-за воды, в Центральной Азии споры из-за пользования водными ресурсами существуют напряженность между государствами региона. Но, как показала в принципе недавняя история, страны, принадлежащие к, казалось бы, «цивилизованному миру» тоже при определенных обстоятельствах не ограничивают свои аппетиты лишь нефтью или железной рудой. Представители «нации Гете и Бетховена» в годы Великой Отечественной войны, как известно, вывозили к себе с оккупированных территорий Украины и России товарные составы с плодородной почвой, а также «бесплатных работников».

В то же время ушло в прошлое откровенно грабительское декларирование целей нападения на другие страны, характерное для древних египтян или ассирийцев. Последним рецидивом такового, очевидно, можно считать поведение руководителей гитлеровской Германии, которые открыто заявляли, что их целью является «расширение жизненного пространства германской нации» за счет земель, населенных «низшими расами». Да и то — это имело место в ходе подготовки и на начальных этапах войны, а когда вермахт начал терпеть поражения, в ход были пущены утверждения, что к войне Третий рейх вынудили «англо-саксы» и «мировое еврейство», якобы душавшие германскую экономику, и СССР, якобы готовивший нападение на Германию.

Поэтому уже довольно давно в государствах, стремившихся овладеть чужими ресурсами, стали применять внешне благородные обоснования для этого. Еще римляне на определенном этапе строительства своей империи, разработали идеологему о том, что, захватывая другие страны, они несут знания, культуру и римское право варварам. Схожие ар-

гументы спустя почти две тысячи лет стали выдвигать идеологи британского и французского колониализма. Причем и те, и другие, и третьи сами искренне верили в это, т.е. в данном случае имело место не только оправдание, но и самооправдание.

Это были идеологические аргументы, характерные для сути светских обществ, поскольку и римляне эпохи Империи, и европейские колонизаторы XIX–XX вв. не отличались особой религиозностью. Однако между теми и другими пролегли долгие Средние века, когда роль единственной возможной идеологии играла та или иная религия. Как результат, европейские крестоносцы официально совершали походы в Святую землю вовсе не с целью грабежа, а исключительно ради освобождения Гроба Господня в Иерусалиме из рук «неверных магометан». Сами «магометане», т.е. мусульмане захватили под руководством халифов весь Ближний Восток, Северную Африку и Иран, а при турецких султанах — Константинополь но также объясняли все это стремлением распространять истинную веру. Позднее испанцы, ворвавшиеся в Новый Свет и сокрушившие государства ацтеков и инков, утверждали, что это делается исключительно ради обращения туземцев в христианство, хотя у их походных костров разговоры в основном шли о золоте, а не об Иисусе Христе. Такое же двоемыслие имело место и у португальцев, колонизировавших Анголу и Мозамбик. Можно также напомнить о нескончаемых религиозных войнах в самой Европе, где на кону стояли вполне реальные территориальные интересы королей, князей, герцогов и графов.

Следует отметить, что религиозное обоснование стремления силой овладеть чужими природными и людскими ресурсами представляется существенно более «удобным», нежели «прогрессистское». В самом деле, если захват страны аргументируется желанием приобщить отсталый народ к культуре, отучить от нелепых и жестоких суеверий, принести в его жизнь верховенство закона, т.е. ликвидировать отсталость и подтянуть его, хотя бы частично, до собственного уровня, то с такими декларированными целями плохо вяжутся массовые убийства туземцев, спаивание их «огненной водой», подбрасыванием им зараженных оспой одеял, изнасилования их жени дочерей, выплата вознаграждения за каждый скальп «краснокожего» и обращение в рабство каждого насильно привезенного из Африки «чернокожего», изъятие у местных крестьян «излишков» сельхозпродукции и т.д., и т.п., чем так богата история западного колониализма (японский, впрочем, был отнюдь не лучше).

В итоге все же британской администрации в той же Индии приходилось строить дороги, отбирать для учебы в Англии и последующей службы на месте представителей местной молодежи, создавать систему здравоохранения и образования, а также — что важно — в случаях, когда «эксцессы» становились достоянием гласности, выслушивать нелицеприятные оценки со стороны британского общественного мнения, оправдываться на слушаниях в парламенте и даже порой нести ответственность. Аналогичная ситуация стала складываться во Франции. Напомним, что Э. Дантес — главный герой романа О. де Бальзака «Граф Монте-Кристо» — мстя своим врагам, оборвал политическую карьеру одного из обидчиков, обнаружив тот факт, что тот во время службы на Ближнем Востоке в рабство арабскую женщину. Вряд ли великий французский писатель стал бы использовать такой поворот сюжета, если бы он был неправдоподобным. В США также на определенном этапе развития общественной нравственности южане-рабовладельцы все чаще стали обнаруживать себя «нерукопозатыми». Как сказал воспевавший «бремя белого человека» Р. Киплинг, «мы в ответе за тех, кого приручили».

В то же время силовое приобретение чужих ресурсов под флагом распространения той или иной «единственной веры» практически не сопряжено с такими моментами. Ведь речь идет не о, пусть декларируемом, но все же стремлении сделать жизнь в захваченных странах лучше в материальном плане, а о «спасении душ», которое по определению является посмертным и не поддающимся проверке. В силу этого вооруженные конфликты под религиозными лозунгами давно имеют большее распространение, нежели осуществляемые во имя «распространения цивилизации», и права человека в ходе таких конфликтов нарушаются с большей легкостью.

По своей сути, идея прав человека сводится к тому, что все индивиды на этой земле имеют равное право на жизнь, свободу и т.п., что необходимо для счастья. Иногда, особенно в недалеком прошлом истоки этой идеи на Западе выискивали в религии, особенно в т.н. иудео-христианской традиции. На деле же для периодов расцвета религиозного мировоззрения, прежде всего в Средние века, было характерно безразличие к правам человека в современном смысле. При этом наблюдалось не только равнодушие к бедности, неравенству и угнетению, но и оправдание и даже воспевание земных страданий как необходимого условия спасения души. С этой точки зрения все земные события ничтожно малы по сравнению с тем, что должно произойти впо-

следствии. В итоге до конца XVIII в. пытка считалась обычным приемом ведения следствия как в системе католической церкви, так и в большинстве европейских государств, и лишь в 1874 г. великий французский писатель В. Гюго смог иметь какие-то основания заявить: «Пытка прекратила свое существование»¹. Впрочем, дальнейшая история показала, что он сильно поторопился.

То, что права человека стали иметь непосредственное, конкретное и всеобщее применение, явилось продуктом последних четырех столетий. Французский политический мыслитель XIX в. А. де Токвиль объяснял гуманистическую этику распространением идеи равенства. По его словам, «в века правления аристократии равными считались только люди, принадлежащие к одному сословию. Когда авторы средневековых хроник, по своему происхождению или воспитанию принадлежавшие к аристократии, сообщают о трагической кончине какого-нибудь дворянина, их горе безмерно; о массовых же избиениях и пытках простых людей они повествуют, не дрогнув и не затаив дыхания»².

Именно в эпоху наступления равенства произошли отмирание религиозных преследований, отмена пыток и публичных наказаний, освобождение рабов и крепостных крестьян. Церковь традиционно освящала иерархичность и неравенство, отвергая земное счастье в качестве цели и лишь позднее пошла на уступки гуманистической этике. Самые первые основополагающие документы по правам человека — американская Декларация независимости и французская Декларация прав человека — были написаны не богословами, а политиками. Возрождение в XX в. идеологии — религиозных, утверждающих неравенство людей по принципу религиозной принадлежности, или же внешне светских, но по сути также основанных на вере и утверждающих неравенство людей по расовому или классовому признаку, принесло с собой и возрождение, причем в массовых масштабах, таких нарушений прав человека, которые в канун Первой мировой войны казались навсегда ушедшими в прошлое.

Как отмечалось выше, права человека с особой силой нарушаются в ходе вооруженных конфликтов. В свою очередь, в основе таких конфликтов лежат вполне конкретные материальные интересы. А эти интересы, за исключением такой аберрации, какой

¹ См.: Peters E, Torture, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1985, p.5.

² Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки.— М.: Прогресс, 1992, С.408.

был гитлеровский режим, всегда прикрываются теми или иными благовидными доводами. С другой стороны, вооруженные конфликты можно подразделить на внутрицивилизационные и межцивилизационные.

В современной политологии общепризнано наличие разных цивилизаций, различия между которыми определяются по двум принципам. Первый, условно говоря, «вертикальный», утверждает, что различные страны находятся на разных уровнях развития одной и той же общечеловеческой цивилизации. В недавнем прошлом эти уровни или стадии определяли словом «строй»: первобытный, рабовладельческий, феодальный и капиталистический. Марксисты добавили к ним коммунизм с его первой стадией — капитализмом. Но еще сам К. Маркс затруднялся ответить, куда отнести индийское и некоторые другие общества, в которых земля и вода принадлежали не частным собственникам, а государю, и потому сформулировал термин «азиатский способ производства». В настоящее время в рамках «вертикального» подразделения типов цивилизаций наиболее распространено подразделение на традиционное общество, существовавшее испокон веков и до Промышленной революции (XVIII — начало XIX вв.), современное (со времени Промышленной революции и до середины XX в.) и постсовременное (до настоящего момента).

Для традиционного общества характерно повсеместное господство сельскохозяйственного уклада, абсолютной монархии и повсеместной глубокой религиозности. Современное общество характеризуется тем, что главным источником приумножения национального богатства становится промышленность, большинство населения оказывается в городах, абсолютные монархии сменяются либо республиками, либо конституционными монархиями, а место религии как главного авторитета, объясняющего мир, занимает наука. Наконец, в постсовременном обществе и сельское хозяйство, и промышленность оказываются сильно оттесненными сферой услуг, наука также становится производительной силой, имеет место тенденция переселения немалой части жителей из мегаполисов в более уютные малые населенные пункты, традиционные ценности, характерные как для традиционного общества (фанатичная религиозная вера), так и для современного (патриотизм, семья) уступают позиции гедонизму, индивидуализму и космополитизму.

Нетрудно видеть, что данная схема прочно привязана к этапам политического, социального, экономического и культурного западных стран, причем даже не всех, а прежде всего таких как Великобритания,

Нидерланды, Франция, Германия, Скандинавские страны и, конечно же, США. История же таких стран как Греция, Португалия, Испания и даже Италия, в той или иной мере опоздавших с промышленной революцией отнюдь не вполне вписывается в нее. Согласно этой схеме, к категории стран, находящихся на стадии постсовременной цивилизации, можно отнести лишь страны-члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), страны Восточной Европы, Россия и другие участницы Содружества Независимых Государств, Китай, Индия, Бразилия, Турция и некоторые другие страны относятся к современной цивилизации, а все остальные — к традиционной.

Если критически рассмотреть данную теорию, то можно выявить множество нестыковок. Например, некоторые малые государства живут почти полностью за счет туризма, т.е. роль главного наполнителя ВВП играет сфера услуг, но в то же время роль традиционных религиозных верований чрезвычайно сильна. Япония по экономическим параметрам — явно постсовременное общество, но японцы ревностно хранят верность своим ценностям, включая, в особенности, семейные, радикально отличаясь от некоторых западноевропейских стран. Примеры можно продолжать, но и без того очевидно, что, в принципе верно указывая на различия в цивилизационном развитии, существующие здесь теоретические наработки нуждаются в очень серьезных уточнениях.

Вероятно поэтому, данный подход к характеристикам цивилизации давно оказался потесненным «горизонтальным», наиболее ярким примером которого, разумеется, является концепция, выдвинутая покойным американским политологом С. Хантингтоном в его обретшей невероятную популярность работе «Столкновение цивилизаций». В действительности, приведенная им авторская классификация цивилизаций — западная, православная, исламская, синская (т.е. китайская) и т.д. — не отличается новизной. Британский историк А. Тойнби еще в начале XX в. выявил свыше двадцати цивилизаций, включая погибшие египетскую, вавилонскую и др. Писал на эти темы и немецкий мыслитель О. Шпенглер. Кстати, и британец, и немец были невысокого мнения о перспективах западноевропейской цивилизации в соревновании с другими.

Однако труд С. Хантингтона, написанный в начале 1990-х гг., оказался весьма востребован, причем именно в США. С окончанием «холодной войны» и исчезновением Советского Союза и, соответственно, «коммунистической угрозы», в широких кругах американской и европейской общественности воз-

никли очень большие сомнения в целесообразности сохранения НАТО, высоких военных расходов, расходов на пропаганду и т.п. Военно-промышленный комплекс США, о гипертрофированном развитии которого предупреждал еще президент Д. Эйзенхауэр, а также то довольно обширное сообщество, которое получило наименование «политико-академический комплекс» (ПАК), объединяющее массу ученых, аналитиков, пропагандистов, журналистов и обозревателей, которые делали карьеру и доллары на спекуляциях относительно «советской угрозы», почувствовали, что конъюнктура меняется не в их пользу.

В этих условиях «конфликт цивилизаций» выглядел находкой. При этом опускались тезисы автора о том, что практически по всем направлениям западная цивилизация оказывала наибольшее, порой разрушительное воздействие на другие цивилизации. Автор действительно утверждает, что с исламской и китайской (синской) цивилизациями Запад будет иметь напряженные отношения, с африканской и латиноамериканской, как более слабыми, отношения будут гораздо менее конфликтными, а отношения с Россией, Индией и Японией будут чем-то средним между первыми двумя¹.

Но самое главное не в этом, а в том, С. Хантингтон делает вывод, который при всем желании невозможно подать как свидетельство его убежденности в превосходстве западной цивилизации: «Западная вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна; она аморальна и она опасна..., потому что может привести к крупной межцивилизационной войне»². И далее: «Западная цивилизация ценна не потому, что универсальна, а потому, что действительно уникальна. Следовательно, главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том, чтобы пытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада..., но чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации». А «чтобы избежать в будущем крупных межцивилизационных войн», США и их союзниками следует «воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях»³. Вполне здравая мысль, прямо противоположная неким призывам к войне Запада против всех остальных цивилизаций, нередко приписываемым С. Хантингтону теми, кто читал не саму его работу, а политизированные рецензии.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, С.283–284.

² Ibid., p.511.

³ Ibid., p.523.

Но из этого следует, что Западу — или западной цивилизации — не следует вмешиваться в конфликты, происходящие в других цивилизациях, и в тех случаях, когда в ходе таких конфликтов имеют место нарушения прав человека. А такие нарушения, как показывает опыт, неизбежны. При этом, как следует понимать, имеются в виду также и конфликты внутри стран, относящихся к незападным цивилизациям. Как выразился вице-президент США Г. Трумэн в 1943 г. в отношении развития ситуации на советско-германском фронте, «и пусть они убивают друг друга как можно больше»? Разумеется, в настоящее время ни один западный официальный представитель публично так не заявит. Хотя данное заявление, по сути, ничем не хуже высказывания Мао Цзедуна о том, что в советско-американском противостоянии Китаю следует вести себя «как мудрая обезьяна, наблюдающая с вершины дерева за схваткой двух тигров», все же звучало бы оно чересчур грубо и цинично, особенно с точки зрения политкорректности.

Видимо, поэтому С. Хантингтон и не стал развивать далее тезис о невмешательстве Запада в незападные конфликты и ограничился лишь общим благим пожеланием, что «в глобальном «настоящем столкновении» между Цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации, обогащенные своими достижениями в религии, искусстве, литературе, философии, науке, технологии, морали и сочувствии, также должны держаться вместе, или же они погибнут поодиночке»⁴. Совершенно очевидно, что написав слово «Цивилизация» с большой буквы, автор тем самым подчеркнул существование общечеловеческой цивилизации.

В современном мире за последние два десятилетия произошли сотни больших и малых, в основном внутренних вооруженных конфликтов. Внутренних — значит, происходивших внутри страны. С другой стороны, стран, где присутствовали бы, сосуществовали и враждовали разные (по А. Тойнби и С. Хантингтону) цивилизации, абсолютное меньшинство. Следовательно, эти конфликты в абсолютном большинстве случаев имеют место внутри одной цивилизации, и тогда угроза некоего глобального вооруженного конфликта по цивилизационной линии сильно преувеличена. Конечно, права человека нарушаются и в таких конфликтах. Если противоборствующие стороны принадлежат к одной и той же цивилизации, то они все равно найдут множество «аргументов», чтобы приписать противнику все мыслимые отрицательные черты и тем самым «обосновать» нарушения прав человека. Единственным средством недопущения этого является поиск точек соприкосновения и выявления, общих для всех ценностей, включая права человека.

⁴ Ibid., p.531.

Библиография

1. Черчилль У. Вторая мировая война. (В 3-х книгах).— М.: Воениздат, 1991.— Кн. 1. Т. I, С.59–62.
2. Никонов А. Наполеон. Попытка # 2 // <http://napoleon.ru/popytka-2?start=16>
3. Peters E, Torture, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1985, p.5.
4. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл.
5. Гарольда Дж. Ласки.— М.: Прогресс, 1992, С.408.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, С.283–284.
7. И. А. Трифонова Внешняя политика России и формирование позитивного образа российского государства // Национальная безопасность.— 2011.— 5.— С. 115–125.
8. О. Г. Карпович Формат управления международными конфликтами США и ЕС в современных миротворческих операциях // Международные отношения.— 2012.— 1.— С. 88–99.

References (transliterated)

1. Churchill» U. Vtoraya mirovaya voina. (V 3-kh knigakh).— М.: Voenizdat, 1991.— Кн. 1. Т. I, S.59–62.
2. Nikonov A. Napoleon. Popytka # 2 // <http://napoleon.ru/popytka-2?start=16>
3. Peters E, Torture, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1985, p.5.
4. Tokvil», Aleksis de. Demokratiya v Amerike: Per. s frants./ Predisl.
5. Garol'da Dzh. Laski.— М.: Progress, 1992, S.408.
6. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. М.: AST, 2003, S.283–284.
7. I. A. Trifonova Vneshnyaya politika Rossii i formirovanie pozitivnogo obraza rossiiskogo gosudarstva // Natsional'naya bezopasnost».— 2011.— 5.— С. 115–125.
8. O. G. Karpovich Format upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami SShA i ES v sovremennykh mirotvorcheskikh operatsiyakh // Mezhdunarodnye otnosheniya.— 2012.— 1.— С. 88–99.